

ФОТО ВАЛЕРИЯ ПЛОТНИКОВА

Актрисой Ольга Будина стала случайно. До этого она хотела быть экскурсоводом, учительницей пения и даже дояркой. После фильма Алексея Учителя «Дневник его жены», где Ольга сыграла любовницу Бунина, к ней пришла известность. Ее новые киноработы — Анастасия в фильме Глеба Панфилова «Романовы: венценосная семья», Лера в сериале «Досье детектива Дубровского», Марина в фильме Александра Митты «Граница», Мария в «Даун-хаусе» Романа Качанова. Вскоре зрители увидят ее на экране в роли Саломеи в сериале Дмитрия Брусникина и Леонида Пчелкина «Приключения, почерпнутые из моря житейского».

Ольга БУДИНА: *Вет. клуб - 2009 - 21 сент. - с. 11* ЕСЛИ МЕНЯ НЕ ТРОГАТЬ, ТО Я АНГЕЛ

— После «Дневника» вы снимаетесь, но нельзя сказать, чтобы много...

— Хорошего должно быть понемножку. К ролям вообще нужно относиться очень избирательно, потому что каждая роль, хотим мы того или нет, оставляет след в судьбе. То, что снято на пленку, имеет повторы в жизни. После того, как у меня недавно случился один из таких трагических повторов... больше я этого не хочу! Я теперь очень осторожно отношусь ко всему, что происходит с моими героинями. Нужно играть только радостные роли! Хотя, конечно, гораздо интереснее «производить» на свет злодеев. Мне, надо сказать, вообще интересны пороки. Я одно время даже хотела сделать этакую фотогалерею из человеческих пороков: у меня такое лицо, что на нем можно нарисовать все. Очень подвижная мимика и психика. Я хотела показать разные психотипы. Например, женщину, которая не интересуется ничем, кроме своего бизнеса. Или девушку, недолюбленную в детстве, — теперь она хочет дарить свою любовь всем и начинает душиť своей любовью окружающих.

— Но вы ведь актриса, зачем ставить себе какие-то ограничения? Почему надо непременно играть только светлых персонажей?

— Я не хотела быть актрисой. Эту профессию я себе не выбирала. Раньше актеров хоронили за пределами общего кладбища, подальше от людей. Лицедейство — это множество лиц, а у человека должно быть только одно. Значит, многоличие, оно же и актерство, — от дьявола. Но все-таки меня просто распирает — хочу играть! Есть актеры, которые актерствуют не столько на сцене, сколько в жизни, им интересно играть всегда. А мне не интересно такое разбазаривание. Я люблю докопаться до сути и понять человека — вот это дорогого стоит. Я иногда думаю: может, я не в себе? Я считаю, что актеров нужно ограждать от нормальных людей. Они только «косят» под нормальных, а на самом деле — ненормальные. Я имею в виду настоящих актеров. Все, что происходит вокруг них, — это только обертка. Самое интересное — внутри. Внутри людей сокрыты пороки, и я их четко вижу.

— Что вы понимаете под словом «порок»?

— Порок — это... Когда человек переступает порог морали или нравственности, то есть когда он не в силах удерживать себя в рамках одиннадцати заповедей.

— О десяти я слышала, а что это за одиннадцатая заповедь?

— Одиннадцатая — не бойся!

— Не бойся чего?

— Ничего!

— Вообще-то пороками наделен почти любой художественный образ, ведь и само искусство строится на отходе от того или иного правила, от устоявшегося поведения...

— Я не открою истину, если скажу что Христа играть не интересно. Там играть нечего! Как можно играть святого? И как актер, который играет Христа, может существовать в нашем мире? Мы ведь живем при конце света, и все это понимают. Откуда актеру брать в себе такие душевные качества? Как ему сыграть истинную святость? Ее же нельзя придумать.

— Как у вас складываются отношения со своими персонажами?

— Я обожаю всех женщин, которых играю. Я знаю про них все. Как они родились, что ели на завтрак, кто их воспитывал, какие у них были оценки. Иначе я бы не смогла их играть.

— У вас много друзей?

— Я не знаю. Но телефон звонит бесконечно. А я не люблю звонить. Но привязываюсь к людям, да... И тем не менее, для меня нет людей, от которых бы я зависела. Есть люди, которые мне душевно близки, и я всегда волнуюсь, чтобы с ними ничего не случилось. Без них я буду совсем одинока! «Раба любви» — это про меня. Когда умер один мой друг, я очень плакала, а другой мой друг сказал: ты плачешь не по нему, ты плачешь по себе. Я тогда на него обиделась, а через какое-то время поняла, что он абсолютно прав. Когда мы теряем близких, мы мучаемся: как же мы теперь без них будем жить! Мы жалеем себя.

— По натуре вы оптимист?

— Оптимист, хотя иногда произвожу обратное впечатление. Если «Божественную комедию» Данте назвали комедией только потому, что герои движутся от ада к раю, то в этом смысле я оптимист.

— А в каком смысле пессимист?

— В том, который имел в виду Адам Мишквич: «Тернистою стезей к могиле всяк спешит».

— А какой «стезей» вы будете следовать в Саломее?

— Увидите...

— Я нетерпеливый человек, скажите сейчас!

— В Саломее я играю жажду правды. Непримиримость! Все в скользких ситуациях делают вид, что все хорошо, а Саломее не хочет делать такой вид. Она говорит «Ша!»

— У вас абсолютно ангельское лицо. Как с таким лицом говорить «ша!»?

— Это правда. Да я и на самом деле ангел. Только меня трогать не нужно.

— Вы каждый раз играете себя, или строите образ иначе?

— Материал я в любом случае беру извне. Кто-то из великих музыкантов сказал: искусство игры на инструменте заключается в том, чтобы в нужную минуту попасть по нужной клавише. В актерской игре, как в музыке, необходимо в нужную секунду воспроизвести нужную эмоцию. А это дело техники... Во мне сидит жажда познать, что же это за эмоции, откуда они берутся. Меня эмоции переполняют, у меня в-о-от такая палитра! Но там все краски размазаны! А

мне нужно найти и показать очень чистую краску. В этом и заключается мастерство актерской игры.

— Вы самолюбивы?

— Нет, но на съемочной площадке я честолюбива.

— А с режиссером работаете легко?

— Если не дурак, то конечно.

— А с Миттой вы совпали? Он, говорят, крайне авторитарный человек.

— Нет, с Миттой мы не совпали. Вообще, если я не могу вступить в диалог с режиссером, я с ним не буду работать!

— Так вы совсем не ангел!

— Почему не ангел? Очень даже ангел. Вы же сами сказали, что я на него похожа. Хотя... Если бы я к себе относилась отстраненно, я бы не понимала, за что актрису Будину можно любить. Может быть, только за потенциал. Я не сыграла ни одной роли, за которую меня можно было бы полюбить... Может быть, только роль Анастасии. Те, кто говорит мне, что полюбили меня после роли в «Границе», перестают для меня существовать.

— А что могло бы стать предметом вашей гордости?

— Лена, вы беседуете с человеком, который до сих пор не реализован! Я вообще не понимаю, почему вы со мной беседуете? Я в искусстве пока не единичка!

— Ваш идеал актрисы? Я имею в виду актерскую судьбу.

— Мне очень понравилось, как реализовалась Янина Жеймо, которая сыграла Золушку. У Жеймо судьба была не сахар, но она смогла сыграть волшебную жизнь и сказочную любовь. Всего одна роль, но в этой роли было столько света, что я уверена: Жеймо реализовалась на все сто!

— Все твердят о кризисе в отечественном кино. Как вы думаете, если это так, то в чем его причина?

— После перестройки, когда все стало можно говорить, оказалось, что сказать-то и нечего. Возникла пустота, которая длится до сих пор. И все пытаются из нее выкарабкаться. И чем сильнее выкарабкиваются, тем громче звук этой пустоты. Помните «Трехгрошовую оперу» Брехта? Она задумывалась как действительно трехгрошовая, то есть дешевая. А у нас недавняя постановка Машкова была одним из самых дорогостоящих театральных проектов. Смешно... Мы как Эллиочки Любоедки, которые борются с заморской Вандербильтской. И делают себе вместо собачьих вороватых собачки. Вот чем мы занимаемся в кино! И раздаем награды за это ничтожество! И никто не признается, что это ничтожество! Поставьте картины последнего десятилетия рядом с фильмами прошлых лет. И что?! В наше время быть знаменитым действительно некрасиво. Самое ужасное — быть пуклом, а ощущать себя свирелью. Но ведь все вокруг слышит звук, который вы издаете.